

ОПОРА

МЭГ КИССИНДЖЕР

**ПОКА
ТЕБЯ
НЕ
БЫЛО**

МОСКВА

УДК 821.111-94(73)
ББК 84(7Coe)-44
К44

William Morris Endeavor Entertainment, LLC; 11 Madison Avenue,
18th Floor; New York, NY 10010

Copyright © 2023 by Meg Kissinger

Киссинджер, Мэг.

К44 Пока тебя не было. Молчание, способное передать боль по наследству / Мэг Киссинджер ; [перевод с английского И. Голыбиной]. — Москва : Эксмо, 2026. — 384 с.

ISBN 978-5-04-224037-9

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНАЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Почему именно мы должны лечить тянущуюся поколениями травму? И что, если это не бремя, а призвание? Потому что мы первые, кто действительно может. Первые, кто способен почувствовать то, что прежде оставалось прикрытым. Кто не поддается стыду и гневу, у кого хватает смелости заглянуть внутрь себя.

Каждый слой боли, который вы проживаете, — это та боль, к которой предыдущие поколения так и не смогли приблизиться.

Погружая в интимные мемуары, Мэг Киссенджер проводит журналистское исследование о психиатрии на фоне хрупкой семьи. На собственном примере она повествует о том, какие последствия несет за собой стигматизация болезни.

Мощная, искренняя и наполненная черным юмором, эта история о любви и стойкости там, где было не принято говорить о чувствах.

УДК 821.111-94(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-224037-9

© Перевод с английского языка,
Голыбина Ирина, 2026
© Дизайн логотипа, Белякова Любовь, 2026
© Издание на русском языке, оформление,
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

*Посвящается Дэнни,
потому что он бы хотел,
чтобы мы поняли*

* * *

Для жизни в этом мире три умения
Нужны: любить
Что смертно и держать

Его как можно ближе к сердцу,
Как будто сам зависишь от него.
А как настанет время — отпустить.

Мэри Оливер «В лесах Блэкуотера»

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Если бы кто-то из моих братьев или сестер выкинул подобный трюк, я, вероятно, добивалась бы против них судебного предписания. В этой книге много тяжелых вещей, которые, думается мне, им вряд ли приятно будет увидеть напечатанными. Однако все они помогали и поддерживали меня долгие годы, пока я проводила исследование и писала ее. Они все согласились на многочисленные интервью, зачастую о самых травматичных и унижительных событиях своей жизни. Они прочли то, что я написала, и заявили, что тут все точно — насколько они могут судить.

Их великодушие поразило меня, но не удивило. Помимо веснушек и мизинцев крючком, у нас есть две важнейшие общие черты: чувство юмора — как извращенный способ выживания — и готовность вывернуться наизнанку ради помощи другим.

Насчет точности изложения: я журналист-исследователь и преподаватель журналистики, обученный добывать для своих материалов железные доказательства и максимально проверять все сведения. В данном случае это было невозможно. Подробности черпались из писем, дневников, имейлов, полицейских отчетов, отчетов коронеров, юридических документов, протоколов судебных заседаний, бумаг о банкротстве, армейских документов, данных переписи, газетных статей и сотен страниц медицинских карт моей

семьи. Я опросила столько людей, сколько смогла, чтобы заручиться личными свидетельствами участников событий, которые описываю: докторов, социальных работников, друзей семьи, соседей, родственников и адвокатов. Я даже отыскала нашу давнишнюю няню, работавшую в доме с 1961 по 1963 год. Тогда она была студенткой, а сейчас живет в общине для пенсионеров во Флориде.

Однако даже самые ясные воспоминания могут вводить в заблуждение. Мы были семьей с восемью детьми, родившимися за двенадцатилетний период у родителей, страдавших серьезными заболеваниями, которые глотали транквилизаторы и вдрызг напивались по вечерам. Неудивительно что в доме царил хаос. Я была четвертой по старшинству — довольно выгодная позиция для наблюдения, — но и у меня остались белые пятна.

Существует также и проблема травмы, способной оказывать влияние на память, стирая оттуда значительные временные промежутки, а другие, наоборот, непропорционально растягивая. Поэтому я не могу поклясться, что события происходили именно в той последовательности, в какой я их излагаю, с той же уверенностью, какую испытываю по отношению к своим статьям. Я предпочла проявить осторожность и отметить эти моменты там, где они упоминаются в книге.

Цитаты в тексте приводятся слово в слово по документам или транскрипциям интервью. Те, что взяты из памяти или семейных историй — про которые я не могу поклясться, что привожу их точно, — выделены курсивом без кавычек.

Наконец, мой брат Билли хотел, чтобы я упомянула, что в седьмом классе он выиграл соревнования по одиночным баскетбольным броскам и турнир в школе Святого Франциска Ксаверия в Уилметте, Иллинойс, в 1973 году. Других пожеланий мне не поступало.

ЧАСТЬ 1

ЛЮБИТЬ ЧТО СМЕРТНО

ГЛАВА 1

Тигровая яма¹

Когда мы были маленькими, нам с сестрой Пэтти нравилось притворяться, что голодные тигры рыскают между нашими кроватями, готовясь разорвать нас в клочья. По ночам они точили на нас клыки, острые как бритва, рыча, и фыркая, и облизываясь. Опустив вниз палец и... *кляц!* ...они откусят его, переломив кость. Мы перепрыгивали с кровати на кровать, взвизгивая в воздухе.

— *А ну тихо, или я приду и отлуплю вас до крови!* — кричала мама из своей спальни через коридор.

Невидимые тигры нас пугали. А мама — нет.

— *Смотри,* — шептала я Пэтти, перегибаясь через край постели и опуская в яму руку. Она наклоняла свою кудрявую головку и таращилась в черную пропасть, нервно дыша и ожидая, когда тигр вцепится в приманку. Я крепко зажмуривалась, представляя голодных чудовищ, крадущихся к нам. Их мускусный запах бил мне в ноздри, а сердце колотилось где-то в горле.

¹ Фраза-метафора, обозначающая безвыходное состояние человека, ловушку, в которую он попал из-за своих либо чужих ошибок.

— *Сказано вам, тихо!* — опять кричала мама, на этот раз тише.

Мы знали, что у нее нет сил бить нас, тем более до крови.

Моя мать, Джин Киссинджер, успешная дебютантка с IQ гения, теперь проводила целые дни, размазывая крем от воспалений по младенческим попкам, а также вытирая вечные сопли с наших щек, приглаживая нам волосы, поплевав на ладонь, и закапывая подогретое лекарство в наши воспаленные уши. Она клала нам в контейнеры для завтраков сэндвичи с арахисовым маслом и жареной картошкой, помогала со спряжением латинских глаголов, складывала стираное белье, тут же гоняя нас по таблице умножения, и перепечатывала на машинке наши годовые сочинения, одновременно качая на коленях младенца или отглаживая наши форменные блузки. Ее собственная мать к тому времени уже умерла, сестер у нее не было, поэтому маме приходилось в одиночку растить восьмерых своих детей, в то время как отец неделями находился в командировках.

Мой отец, Билл Киссинджер (мы называли его Холмер), продавал рекламные площади компаниям, производившим транквилизаторы и так называемые вспомогательные препараты для выбивавшихся из сил мамаш эпохи беби-бума. Бизнес был молодой, особенно для нашего Норт-Шора в Чикаго, где от женщин, преимущественно последовательниц ирландской католической церкви, как моя мать, ожидали неуклонного заполнения церковных приделов максимальным количеством отпрысков, каких они смогут выносить, вне зависимости от того, хватает у них на это здоровья или нет.

«Что-то определенно не так, если средняя американская семья за свое детородное время в двадцать пять лет производит лишь двоих-троих детей для Царства Божьего», — заявил пресвятой Джон Нотт на Католической конферен-

ции по национальному благосостоянию, обращаясь к верующим.

Руководство по католическому браку, которое читали моя мать и ее подруги, предостерегало: «Родители, сознательно выбирающие небольшую семью в качестве образа жизни, тем самым подтверждают свое стремление к материальным ценностям в противоположность духовным радостям, которые приносит воспитание ребенка. Неудивительно, что “избалованная маленькая вертихвостка” — эгоистичное чудовище из популярных фильмов и комиксов — это обычно единственный ребенок в семье».

Моя мать, может, и сердилась на холостых мужчин, объясняющих ей, сколько детей рожать и как их воспитывать, но никак им не противилась. В период с 1952 по 1964 год они с Холмером покорно произвели на свет пятерых девочек и троих мальчиков, один подвижнее другого, которые теперь лазали, бегали и скакали по дому, как стайка щенков. Нашей любимой игрой был Мишка Тедди — все начиналось с того, что в игровой один из нас прыгал на спину другому. Потом, по одному, все стальные тоже валились друг на друга, как кирпичики «Дженги», пока кто-нибудь не пукнул или не начинал синеть. Итак, встречайте:

1952, Мэри-Кей. Самая старшая. С художественными наклонностями, модница и затейница, с темными густыми волосами, которые она по вечерам накручивала на банки из-под апельсинового сока, чтобы получились кудри. Она потратила много часов, превращая комнату у нас над гаражом в волшебную страну, приклеивая на стены блестки и подвешивая клочки ваты на нитках к потолку, чтобы получились облака.

Мэри-Кей славилась своими авангардными нарядами, зачастую изготовленными собственноручно. На выпускной